

И.Ю. ЛАПИНА
ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НАУКИ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ:
ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО
(Москва, 2001)

I

В одном из японских музеев представлены образцы электронной техники — от зарождения до самых-самых современных. Любопытно, что до начала шестидесятых годов, до появления, к примеру, первого транзисторного телевизора, мы с японцами шли, в общем-то, что называется, «ноздря в ноздю». Потом у них — резкий рывок по экспоненте, а у нас — основание для появления грустного анекдота: когда мы догоним их в области электроники? — да никогда!

Мало кто помнит сегодня, что Зеленоград — центр нашей электронной промышленности, наша несостоявшаяся «Силиконовая долина» — задумывался и строился для проектирования и создания отечественных компьютеров, соответствующих, как принято было тогда говорить, уровню мировых образцов, а в чем-то и повыше. И надо сказать, что все предпосылки для этого были: пионерские разработки, научные лидеры, талантливые организаторы и даже «добро» правительства и необходимые материальные ресурсы. Что за роковые силы помешали осуществить задуманное, отбросив нас в компьютерный «каменный век»?

В свое время в стране были построены самые крупные в мире телескопы РАТАН-600 и БТА-6. Диаметр зеркала оптического телескопа составлял шесть метров. Следующим за ним в «табели о рангах» шел Паламарский телескоп, располагавший четырехметровым зеркалом. Наши ученые сумели получить целый ряд неплохих результатов в области астрономии и астрофизики, было заявлено о запуске новых, поражающих воображение программ по исследованию тайн Вселенной.

Почему же наш телескоп перестал быть «чемпионом» среди астрономических приборов, а самым престижным до сих пор является четырехметровый Паламарский? Не погоня ли за «мировым рекордом», гигантомания подвели разработчиков и создателей? А в проигрыше оказалась отечественная наука.

Не так давно японцы с большой помпой объявили о полученных ими доказательствах существования массы у нейтрино — самой загадочной элементарной частицы. Вроде бы чисто физическая проблема (есть или нет масса у нейтрино) на поверку оказывается вопросом философским, мировоззренческим. Не последний ли это кирпичик в теорию Большого взрыва, который сможет окончательно прояснить, будут ли галактики разлетаться бесконечно или библейский конец света не что иное, как «большой хлопок», и вслед за расширением Вселенной начнется процесс сжатия.

Но ведь первые доказательства существования массы у нейтрино были получены в Институте физики АН СССР более пятнадцати лет назад. Гигантская нейтринная программа осуществлялась тогда в Баксанском ущелье, в многокилометровом туннеле, пробитом в скальных породах Северного Кавказа и защищенном от всех видов излучений толщей горы. Чем закончился уникальный эксперимент?..

Сегодня объявлена правительственная программа помощи отечественному самолетостроению. Между строк читается: экстренной помощи, промедление уже смерти подобно. Почему понадобились столь неотложные меры?..

Наши военные воздушные машины — истребители и бомбардировщики — во второй половине XX века всегда соответствовали мировому уровню. Гражданская же авиация постепенно сдавала позиции, и сегодняшние ТУ, Илы, Аны уступают тем же Боингам. Почему? Ведь ТУ-104 был самым современным для своего времени самолетом. Наши показатели по безопасности полетов соответствовали международным требованиям. А практика передачи военных разработок на «гражданку» тоже не особенно отличалась от мировой практики.

Меккой для физиков, занимающихся постижением глубинных тайн вещества, было Протвино. Его знаменитый ускоритель, поработать на котором считали за честь ученые с мировым

именем, должен был уступить место гигантскому двадцатикилометровому кольцу. Казалось, вот-вот и будут разгаданы тайны материи в ее первоосновах, найден путь к обладанию полной энергией материи — не поддающейся человеческому воображению энергией! Сегодня в Протвине пустынно...

Были в истории нашей науки токамаки, которые обещали управляемую термоядерную энергию. И не на пустом слове — на основании умения удерживать плазму в магнитном поле.

Была голубая кровь и аппарат доктора Илизарова. Теперь и представить себе трудно, что даже попавшие в беду миллионеры, к услугам которых была любая клиника «передового западного мира», предпочитали выправлять свои искалеченные конечности не где-нибудь, а в небольшом сибирском городе Кургане.

И так далее...

«Тайнами забытых побед» называют это тематическое направление в телекомпании «АСС-ТВ». А начиналось все в начале 90-х годов, когда не без успеха по первому каналу прошел (и неоднократно повторялся) сериал «Красный космос». Это была первая попытка подлинного осмысления неординарных событий в мире науки и техники, когда от барабанного боя официальной пропаганды о космических успехах «первой в мире страны социализма» журналистика, развернувшись на сто восемьдесят градусов, «перестроилась» на очернение и оплевывание этой отрасли. Авторам сериала удалось показать, как сосуществовали, шли бок о бок события и героические, и трагические, порой приправленные смешными, прямо-таки анекдотическими недоразумениями, как гениальные находки сходили на нет и вязли в паутине амбиций, всяческих подсиживаний. И как сквозь это наносное и уродливое пробивалось истинно великое.

Непосредственно под рубрикой «Тайны забытых побед» было выпущено на телеэкраны всего несколько фильмов. О самолете Т-4, легендарной «сотке» — лучшем в мире стратегическом бомбардировщике. О «Буре» — прообразе «Шатла». О вертолетах, появившихся раньше вертолетов Сикорского. Сюда же можно отнести празднование сорокалетия со дня запуска первого искусственного спутника Земли: короткие межпрограммные вставки, реконструировавшие события этого исторического дня, держали сетку вещания, а в час запуска спутника началась демонстрация фильма, который привлек огромное число зрителей благодаря уникальным кадрам, нетривиальному осмыслению событий, ярко выраженному драматизму столкновений человеческих характеров. К сожалению, в то время телекомпания ограничила себя лишь авиационно-космической тематикой.

Сегодня цикл «Тайны забытых побед» планируется продолжить. В основу сценариев будут положены неизвестные широкому зрителю события в мире науки и техники, принципиально новые, неожиданные повороты в трактовке, казалось бы, «хрестоматийных» исторических фактов. Сохранились архивы, в том числе кино- и видеоматериалы. Еще живы многие участники тех событий, пережившие и успех, и поражения, и славу, и трагедии.

Как участник создания сценарных разработок позволю себе несколько «синопсисов» будущих фильмов, авторство которых принадлежит мне.

НЕПРОСТЫЕ СЕКРЕТЫ ПРОСТОГО АППАРАТА

У человека сломалась кость. Чтобы она правильно срослась, надо прочно закрепить отломки. Что только ни придумывали хирурги: применяли шины, загоняли внутрь металлические штыри, пробовали использовать винты и шайбы... Проблема решалась «на троечку».

Сельский врач из Курганской области Гавриил Абрамович Илизаров придумал простой аппарат из перекрещенных спиц и колес, которые держали сломанные кости настолько прочно, что пациента уже на второй день поднимали с больничной койки: так лучше работало кровообращение. Переломы срастались быстро, правильно и без осложнений.

Медицинские светила оценили изобретение весьма своеобразно: предложили Гавриилу Абрамовичу соавторство. Тот отказался, и оппоненты затаились. Аппарат понемногу завоевывал признание. Даже остановился Илизаров на этом — и место в истории медицины ему уже было бы обеспечено. Но он пошел дальше.

Вычитал в какой-то полузабытой работе начала века, что кость имеет лучшие из всех человеческих тканей регенерационные возможности. Проверил — похоже на правду. Илизаров проводит модернизацию своего аппарата, теперь отломки раздвигаются на полмиллиметра в сутки, пространство между ними заполняется регенератом. Кость растет.

Значение этого открытия уже нельзя было принизить. Илизарову строят институт. Он в зените славы. Со всего света едут в Курган больные.

«Заклятые» друзья тем временем поворачивают его идеи. Появляются аппараты Волкова, Гудушаури, Калнберза — ухудшенные варианты илизаровского.

Гавриил Абрамович продолжает работать, помогает тысячам и тысячам людей. Курган становится Меккой хромых, что заметно уже в аэропорту, на вокзале, на улицах. Успех операций почти стопроцентный.

Но безоглядная вера в свои возможности, в чудодейственные свойства нового метода постепенно готовит ловушку. В институте берутся за исправление горбов, за травмы, связанные с позвоночником. А это уже, как говорится, несколько из «другой оперы». Неудача следует за неудачей. Можно себе представить злорадство оппонентов

Сегодня метод Илизарова не то чтобы забыт, но занимает гораздо более скромное место в травматологии, чем мог бы, чем он того заслуживает.

Причин много. Одну из них указал сам Гавриил Абрамович в интервью незадолго до кончины. При применении его аппарата нужны навыки не только врача со скальпелем — требуется симбиоз хирурга со слесарем высшей квалификации, с инженером-конструктором. К сожалению, Гавриил Абрамович не успел осуществить свою идею: организовать подготовку таких хирургов-травматологов. А начинать их готовить он планировал уже с вузовской скамьи.

Об Илизарове писали много. Вот говорящие сами за себя заголовки статей: «Волшебник из Кургана», «Чудо исцеления», «Скульптор человеческого скелета»... Любили пофантазировать на тему, как ему впервые пришла в голову гениально простая идея. Не лошадиная ли дуга с оглоблями сыграла роль «ньютоновского яблока»? Но подлинно шекспировские страсти, бушевавшие вокруг доктора и его аппарата, а главное, осмысление его места в травматологии остались за кадром.

ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ В МИКРОКОСМОСЕ

Стремление проникнуть в глубь строения вещества, к самым первоосновам, вызвано не только вполне понятной человеческой любознательностью. Научился человек добывать огонь — появился в его распоряжении костер для приготовления пищи. Понял, что такое уголь, нефть, газ — заработали моторы и турбины. Проник в тайны атома — получил новый мощный источник энергии. Наверное, не за горами овладение и термоядерной энергией. А что дальше?

По весьма распространенному мнению, развитие цивилизации прямо пропорционально связано с количеством потребляемой энергии. Футурологи, «работающие» с далеким будущим и исследующие проблему встречи с иным разумом, четко разделили все возможные мыслящие миры на цивилизации первого, второго и третьего классов, то есть владеющие энергией в масштабах планеты, Солнечной системы, Галактики. Надо ли говорить, что мы еще даже не в подготовительном классе?

Вот почему проникновение в тайны вещества, понимание, как все устроено уже не на уровне атомов или даже элементарных частиц, а, допустим, кварков или струн, в перспективе задача вполне практическая. Власть над тайнами вещества — это власть над огромной, невообразимо огромной энергией. Тому есть прямые доказательства — в дальнем Космосе. Энергетическая мощность квазара, к примеру, побивает все мыслимые и немыслимые рекорды.

Тайнами строения вещества в его первоосновах и занимались в Протвине, на знаменитом ускорителе. Фильм расскажет о том, чего здесь удалось добиться, какие закономерности понять и почему сюда съезжались физики со всего мира.

...Было принято решение о строительстве двадцатикилометрового ускорителя нового поколения (это приблизительно размеры кольцевой линии московского метро), идеально ровного по окружности, начиненного сверхпроводящими магнитами.

И строительство началось. Был вырыт туннель, частично завезено очень дорогое

оборудование. Сейчас все это разрушается...

Чем руководствовались, принимая решение о столь дорогостоящем строительстве? Вырисовывается такая гипотеза. Только что открыты кварки. Это модное направление в физике элементарных частиц. В Протвине повторяют результат американцев и идут дальше. Замаячило опережение наших постоянных конкурентов в престижных областях. А такой ускоритель — это сверх-сверх престижно. К тому же (чем черт не шутит!) не исключено, что будет совершен какой-то особый прорыв к тайнам вещества, появится принципиальная возможность получения сверхэнергий и, следовательно, сверхмощного оружия. А на это тогда не жалели никаких денег. Не забудем, что именно в те годы за океаном уже замысливались «звездные войны», требовавшие самых современных научных разработок для создания принципиально нового вооружения.

В фильме будет исследована вышеизложенная гипотеза. Но как бы там ни было, успехами в области физики сверхвысоких энергий, сопровождавших нас на определенном этапе, ученые могут еще долго гордиться.

СИЛЫ АДА В МАГНИТНОЙ УПРЯЖКЕ

Оптимистические прогнозы о неисчерпаемости наших запасов топлива — не только нефти, но и газа — не совсем оправданны. Атомные электростанции по многим параметрам не удовлетворительны. В этой связи особый интерес вызывает проблема получения термоядерной энергии. Ожидаемый эффект — на несколько порядков выше, чем эффект от энергетики атомной.

Академик Евгений Павлович Велихов, в свое время один из самых молодых академиков и самый молодой вице-президент академии, большую часть своей научной деятельности посвятил проблемам управляемого термоядра. В свое время в наших СМИ были нередки оптимистические репортажи о знаменитом Курчатовском институте, о создаваемых токамаках, о том, что управляемая термоядерная реакция вот-вот станет реальностью. А это значит, что не только атомные, но и водородные бомбы будут взрываться как бы не сразу, а отдавать энергию адской силы постепенно, строго под контролем и использоваться в мирных целях.

Но год шел за годом, а термоядерной станции не появилось нигде в мире. И за Евгением Павловичем потянулся «хвост» пересудов: мол, звонко обещал, тратил силы огромных научных коллективов — а где обещанное? Более того, не занимался ли он последние годы (когда столь затратной физикой еще можно было заниматься) саморекламой, а не конкретными техническими разработками?

В ответ на подобные, прямо скажем, нелицеприятные вопросы Велихов вынужден был делать заявления: мы стабильно удерживали плазму в магнитной ловушке и были готовы к созданию промышленной термоядерной установки, производящей энергию.

Этот тезис, безусловно, заслуживает отдельного журналистского расследования, которое и ляжет в основу фильма. Что имел в виду академик? Насколько мы были близки к получению промышленной термоядерной энергии? Что помешало? Как соотносятся наши результаты с аналогичными зарубежными?

Ответы, естественно, не могут быть однозначными. Драматизм событий усугубляется и тем, что главные силы были сосредоточены лишь на одном, как казалось, важнейшем направлении. А ведь Петр Леонидович Капица (об этом мало кому известно) имел свой особый взгляд на эту проблему. В период вынужденного затворничества он в своем знаменитом «сарая» пытался ставить опыты по управлению термоядром, идя по принципиально другому пути.

...Все модификации токамаков — это огромные установки, поражающие своими размерами, хитростью технических решений. Да и чисто научным результатом, полученным на них, можно восхищаться. Но в каком качестве они войдут в историю науки? Предтечей термоядерной электростанции? Или памятником неосуществленным амбициям, экзотическим напоминанием о попытке решить задачу, принципиально не решаемую на уровне технического развития своего века?

Но как бы ни рассудила история, масштабы проблемы, на которую замахнулись, и сама

дерзость попытки ее решить заслуживают всяческого уважения.

Отдаю себе отчет в том, что успех или неуспех будущего фильма прежде всего зависит от присутствия в нем человеческих судеб, столкновения амбиций, борьбы характеров. Словом, борьбы людей и борьбы идей в конкретных жизненных обстоятельствах. Материала для подобных драматических построений более чем достаточно.

Несколько слов о сверхзадаче цикла. Да, была показуха. Да, страна неоправданно много сил и средств отдавала военно-промышленному комплексу, отчего и надорвалась в конце концов. Да, обыкновенную электробритву класса «Филипс» мы могли сделать при условии, если бы она обошлась по цене автомашины, то есть увлекались затратными вещами. Все это, к сожалению, наша история. Но ведь были и суперракеты, и космические корабли, и красавцы-телескопы, и нейтринные установки, и ускорители, и передовые методики... И все это тоже наша история. Её надо знать. Не только пожилым людям ради ностальгических воспоминаний, но и молодым зрителям. Чтобы гордиться тем, что было действительно здорово, и делать выводы из ошибок. Ну а если событие толкуется неоднозначно и черное от белого, героическое от трагического отличить непросто — что ж, такова жизнь. Это надо понимать, чтобы избавиться от существования в плоском мире двоичной системы, где на все наклеены ярлыки, а любые перемены сводятся лишь к замене одних ярлыков на другие.

II

А теперь о «забытых победах» на телевидении.

Существует мнение, что регресс начался с ликвидации «Российских университетов». Это не так. К моменту их закрытия «Российские университеты» только с очень большой натяжкой можно было назвать образовательным каналом.

А ведь образовательный канал существовал. В пору расцвета Главной редакции научно-популярных и учебных программ. Это была самая мощная по творческому потенциалу редакция Центрального телевидения. Обратите внимание: как и все другие редакции, она полноценно работала и на первом, и на втором каналах плюс (единственная!) имела свой канал вещания. Наибольший вклад в ее становление и развитие внес профессор Вильонар Васильевич Егоров — тогдашний ее главный редактор. Нынешний канал «Культура» — бледная копия того образовательного вещания.

Образовательные передачи в те годы имели своего постоянного зрителя. А если учесть, что они были мощно представлены на центральных каналах, то можно говорить о зрителе массовом.

А что такое массовый зритель? В чем заключается его интерес? Если не ошибаюсь, то больше всех смотрят телевизор американцы: по три, четыре, пять часов в день. Телевидение в США, как мне представляется, в основном «фоновое». Главный зритель — одноэтажная Америка. Люди живут в благоустроенных домах, напичканных бытовой техникой. У них много дел, много забот и... все время включен телевизор. Он работает, не мешая заниматься домашними делами. И телекомпании идут навстречу своему зрителю: с любой минуты можно включиться в действие, заинтересоваться, сопереживать, а потом взять «тайм-аут».

Наше телевидение имело совсем иные функции. Голубой экран был мощным средством не только пропаганды, но и просвещения. Что за напасти нахлынули на Россию? Что заставляет перенимать из-за рубежа какие-то несвойственные нам вещи, к тому же искажая и извращая их?

Почему только у нас можно быть богатым человеком, владея убыточным производством, или проводить инвестиционные аукционы, на которых выигрывает тот, кто лишь обещает вложить больше денег, а не тот, кто реально их вкладывает?.. Мы живем в каком-то искаженном мире. Искаженная социология, искаженные отношения между телевидением и зрителем.

Шестой канал объявил себя «молодежным каналом». Его концепцией было: надо показывать то, что их потенциальный зритель хочет увидеть. Что же хочет сейчас смотреть растерянный, запутавшийся, потерявший ориентиры молодой человек?! На экране задают тон любители попсы (пэтэушники, как их называли раньше). Этим не вполне сформировавшимся юных

особ надо бы еще воспитывать и воспитывать. А получается, что именно они формируют вкусы телеаудитории. В итоге получаем замкнутый круг взаимного оглупления.

В так называемых цивилизованных странах, где вопросы культуры поставлены серьезно, руководство каналов никогда не отдает свои управленческие функции на откуп зрителю. Би-би-си, например, давно и целенаправленно создает глубокие просветительские и воспитательные программы. А если их рейтинг недостаточен, то это сигнал для рекламной службы о том, что передачу неудачно разыграли. Это сигнал для программной службы, о том, что для нее выбрано не совсем подходящее время. А у нас...

Помню как вместе с японской компанией Эн-эйч-кей мы проводили телемост «Звездный городок — Токио». Работала также прямая связь Токио — Хьюстон.

В Японии было 19 часов. Программа (первый государственный канал) продолжалась два с половиной часа — до 21.30. Передача — очень простая по форме: дети в токийской студии, дети в Звездном, здесь же наши космонавты, а японский космонавт — в Хьюстоне. Вопросы и ответы сменялись сюжетами об истории космонавтики, о ее сегодняшнем дне, о будущих космических полетах... Право же, в свое время мы работали лучше — с большей выдумкой, с остроумными импровизациями, порой с трогательными журналистскими находками.

Возможно ли такое в нынешней России? Решится ли любой из общенациональных каналов поставить в прайм-тайм детскую научно-популярную передачу продолжительностью 150 минут? Допустим невозможное — такая передача появилась. Тут же наши доморощенные социологи сманипулируют ее рейтинг: где-то между нулем и, если расщедрятся, единичкой. (Для справки: японские социологи не пользуются методами Вильчека или фонда «Общественное мнение», этого самозванного Гэллага российского разлива. Нашей съемочной группе передали электронный замер: передачу смотрят 20 миллионов человек.)

Надо ли описывать настроение, с которым мы разъезжались из Звездного. Технари с ПТС матерились, один из руководителей Центра подготовки космонавтов Геннадий Михайлович Манаков припомнил, что за два года в Звездном побывала 41 иностранная телевизионная группа из тех, что создает детские передачи, — и ни одной российской. Версии были самые разные. Крайняя точка зрения (я ее не поддерживаю) была такая: они растят свою элиту, а нашу молодежь с помощью «агентов влияния» целенаправленно оглупляют, превращают в быдло.

Но бог с ними — с эмоциями. Вот о чем подумалось. Мы успели провести в «Останкино» эксперимент, предложив раз в квартал устраивать интеллектуальные вечера: с 20.00 до глубокой ночи (естественно, с перерывом для «Времени») давать в эфир научно-популярные, просветительские программы. Разные по хронометражу, не очень продолжительные, выстроенные соответствующим образом. С уже начинавшейся вакханалией в телеэфире эти вечера резко контрастировали. И, может быть, именно поэтому их рейтинги не то чтобы росли как на дрожжах, но были вполне приличными. Стало быть, интеллект вполне на равных конкурировал и с детективами, и с попсой, и с прочими кривляньями кривого телевизионного зеркала.

Стоит ли сегодня повторять подобные опыты? Вряд ли. Высококачественного телевизионного продукта очень мало. Но не надо доводить себя до истерики: разгромили, дескать, изничтожили. Положа руку на сердце, его и было-то не густо. К сожалению, в нашей стране в пору научно-технической революции на задачу популяризации науки всегда обращалось мало внимания. На телевидении «Очевидное — невероятное», «Наука и жизнь» были скорее исключением из правил. Парадоксально, но факт: если с просветительством дела обстояли вполне достойно, то с научно-популяризаторством несравнимо хуже. Сколько издавалось книг, где была лишь заумь, полунаучная тарабарщина, густо присыпанная терминологией. Помню, как на этом фоне меня поразила статья Глэшоу о «великом взаимодействии». О сложнейшей проблеме теоретической физики в ней было рассказано удивительно просто, а ученый использовал всего два термина — электрон и протон. Да и те были так же доступно объяснены.

Плохо занимаясь популяризаторством, мы к тому же были оторваны от мировых достижений в этой области. Айзека Азимова, например, знаем лишь как фантаста: его книг в этом жанре выходило достаточно. А ведь за рубежом Азимов по праву считается корифеем в популяризаторстве науки. Российского читателя порадовали лишь переводом его книги «Вид с

высоты», которую до сих пор хочется читать и перечитывать.

Телевизионная продукция? Подброшу фактик, казалось бы, малозначительный, но который, как в капле воды, отражает расстановку ее приоритетов. Когда на телевидении появилась первая электронная графика, где ее использовали за рубежом? Не в шоу-программах, не в заставках новостных выпусков — в научно-популярном кино. Просто исходя из здравого смысла — там она нужнее. Но часто ли мы ладим со здравым смыслом?

Впрочем, черная краска у меня заканчивается. И посему, вопреки всему вышесказанному, хочется заявить: наша ситуация с научным популяризаторством — великая историческая несправедливость. Думается, это та область, где можно совершить настоящий прорыв.

Что такое умение рассказать о сложном просто, открыть глаза непосвященным, увлечь нелюбопытных? Наверное, надо находить соответствующие ассоциации, параллели, понятные образы или оттолкнуться от парадокса, доказать от обратного, довести сравнение до абсурда, блеснуть неожиданным сопоставлением. Но разве не этими качествами отличается наш русский язык от многих языков мира — более сухих, прагматичных? А ведь язык, как известно, формирует образ мышления.

Несколько общих соображений.

Есть новости, есть новости культуры, спортивные новости и т. д. Вроде бы в этот ряд становятся и новости науки, и тогда в обычных информационных выпусках посыплется как из рога изобилия: изобретен очередной велосипед, открыта еще одна частица, создан уникальный аппарат, новое лекарство спасет от целого букета болезней, прошел симпозиум, состоялись выборы в академию... В науке же интересна не сама новость, не то или иное открытие, а его «вписанность» в какую-то глобальную концепцию, мировоззренческую теорию, картину мира, в конце концов. К примеру, сообщение об открытии осцилляции нейтрино не заинтересует абсолютное большинство зрителей. Однако, пусть и короткий, но увлекательный рассказ о том, что происходит на Солнце, погасло ли оно, все расставит на свои места: ведь не может быть неинтересен мир, в котором все мы живем.

Не надо увлекаться самым-самым последним сообщением из мира науки, только-только опубликованным в Вестнике Академии наук. Есть великая мудрость в том, что между присуждением Нобелевской премии и самим фактом открытия проходит немалый временной промежуток — «большое видится на расстоянии». Но дело не только в этом. Глубокое осмысление давно известных, в чем-то даже набивших оскомину фактов может принести гораздо больший успех создателям передач.

Оно может быть броским, эмоционально окрашенным. Или, напротив — эпически спокойным. Дело в том, что вечная погоня за новостями и сенсациями не могла не коснуться и научно-популярных программ. Явление это понятное и естественное, лишь бы на второй-третий план не уходило обобщение, сопоставление, поиск аналогий и ассоциаций. То есть все то, чем и отличаются работы лучших популяризаторов.

А сколько интересного таят в себе так называемые «избитые истины». Казалось бы, что еще можно рассказать об учении Коперника, или Джордано Бруно, или об НЛО? Что, кроме как об очередной утке, — о лечении онкологических заболеваний? Или о том, кто же изобрел радио — Попов или Маркони? И так далее, и так далее.

Хотелось бы попробовать поменять местами традиционную очередность — научная сенсация и ее комментарий. Попытайтесь сотворить некие сенсации, осмыслив ряд фактов, часть из которых действительно уже навязла в зубах. Ведь нам и в самом деле есть о чем подумать, что переосмыслить в этом «безумном, безумном, безумном мире».

Привожу ряд сценарных заявок, автором которых являюсь.

БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ

Человечество всегда стремилось к звездам, пыталось осознать свое место в мироздании. Можно называть наивными представления древних, но ведь все они не только сказки и мифы. Скорее — гипотезы, весьма остроумно обобщающие доступную в то время сумму знаний.

Потом, уже в исторические времена, были Евдокс Книдский, Птолемей, Аристотель,

Лукреций Кар. Еще позже Николай Коперник, Галилео Галилей, Джордано Бруно. Поэтические осмысления сменились осмыслениями научными.

В шестидесятых-семидесятых годах XX века утвердилось представление о горячей расширяющейся Вселенной. Произошло лавинообразное рождение различных космологических построений. Построений, которые в сумме своей дали нам красивейшую теорию происхождения, развития и возможной судьбы всей Метагалактики, всего звездного мира.

Поучительно вспомнить: когда в XVI веке гелиоцентрическая система мира Коперника приходила на смену геоцентрической системе Птолемея, то никаких интеллектуальных потрясений в связи с этим в широких слоях общества не наблюдалось.

Это потомки назовут смелый шаг величайшего ученого, сместившего нашу родную планету из центра мироздания, эпохальным, гениальным... Современников волновало другое — тоже немаловажное, более близкое их судьбам, запросам души, более актуальное, как им казалось.

Коперник был современником Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля, Рабле. В то время Германию потрясала крестьянская война, которую возглавлял Томас Мюнцер. Мартин Лютер начал борьбу за реформацию церкви. Чуть позже разразилась первая буржуазная революция в Нидерландах. Зарождался новый класс — буржуазия, возникали первые капиталистические предприятия. Англия и Испания вели спор за колонии. Англичане разгромили «непобедимую армаду» и утвердились на море. Томас Мор создал свою удивительную утопию. А Россия не так давно сбросила татаро-монгольское иго.

В общем-то, появление системы Коперника закономерно. Везалий уже составил doskonaльные атласы строения человеческого тела. Гильберт описал магнитное поле Земли. В этом ряду гелиоцентрическая система мира, хотя и наиболее отвлеченная, но вполне уместная часть великой триады: Человек — Земля — Космос.

И надо же — великое открытие не пригодилось. Особенно парадоксальным представляется то, что даже навигаторам, чуть ли не единственным в то время практическим пользователям результатов астрономических наблюдений, система Коперника оказалась вроде бы ни к чему. А ведь Колумб уже открыл Америку, каравеллы совершали регулярные рейсы через океан. Но капитанов вполне устраивала точность таблиц движения планет по небу, основанных на мифических концентрических кругах, придуманных Птолемеем. (Позднее математики с удивлением обнаружат, что он ухитрился разложить ход небесных тел по так называемому ряду Фурье.) Зачем же мореходам новая чехарда в небесной канцелярии?

С высоты XX века курьезным кажется, что просвещенная Европа эпохи Возрождения не оценила важнейшей мировоззренческой теории Коперника. Но не будем слишком строго судить непрозорливых предков.

Так уж получилось, что на наших с вами глазах произошло событие, не менее значимое, чем открытие Коперника. Теперь точно известно, что Вселенная возникла из единого центра. Что случилось это приблизительно двадцать миллиардов лет тому назад в результате так называемого Большого взрыва. Что звездные миры разлетаются в пространстве с огромной скоростью. И если будет подтверждено, что нейтрино обладают хотя бы ничтожнейшей массой, то галактики опять начнут слетаться к той самой точке своего рождения.

И что же? Вряд ли один из тысячи наших современников знает имя Александра Фридмана — Коперника XX века, в работах которого впервые была предложена модель нестационарной Вселенной. А ведь она-то и легла в основу современной космологической теории о строении мироздания.

Почти не известен в нашей стране Джордж (Георгий) Гамов. Русский ученый, в молодые годы уехавший в США и сделавший для доказательства теории Большого взрыва открытие, по крайней мере, равнозначное галилеевскому.

И где-то в веке двадцать пятом потомки с грустью будут оправдывать нас: дескать, что ж, их волновало тоже немаловажное, более близкое их судьбам, более актуальное, как им казалось.

Мир одна за другой потрясли две мировые войны. Научно-техническая революция помогла

в развитых странах наладить производство и выпустить массу товаров. С ее же помощью было произведено столько оружия, что проблемой стало — как избавиться хотя бы от какой-то его части. Регулярно в той или иной области на планете разгорались очаги локальных войн — их с трудом удавалось тушить. Появилось телевидение и персональные компьютеры. В середине века свершился первый космический полет, потом человек прогулялся по Луне, послал автоматы-роботы на Марс и Венеру... Одна из крупнейших империй стала разваливаться на глазах после семидесятилетнего неудачного социального эксперимента.

Возможно, потомки поймут и не слишком строго будут судить нас.

А между тем научные интересы последних лет жизни Андрея Дмитриевича Сахарова, создателя смертоносного оружия, были устремлены именно к иным вселенным, к началу их начал.

В заключительной части передачи имеет смысл дать хотя бы конспективную картину того, что мы точно знаем уже сейчас. О том, что на Паламарском телескопе зафиксирован горизонт Вселенной — дальше материи, в нашем ее понимании, попросту нет. О квазарах и скрытой массе. О практически точечных источниках, энергия которых во много миллиардов раз превышает энергию Солнца. О теории струн. О другой теории, согласно которой наше реальное мироздание в миллион раз меньше по размерам, чем принято считать, остальное — отраженное, причем весьма причудливо из-за искривленности пространства. Нельзя не затронуть проблему массы нейтрино, решение которой, возможно, скажет «да» либо открытой, либо закрытой модели Большого взрыва. Будут ли галактики разлетаться бесконечно и вещество как бы рассеется через 140 миллиардов лет, либо опять начнется процесс сжатия. Библейский конец мира? Но в рамках огромнейших временных расстояний. Впрочем, что касается времени — все относительно. По одной из версий, кстати, тоже связанной с нейтрино, наше Солнце давно уже погасло и светит только за счет огромной теплоемкости. Если так, нам осталось всего-навсего три миллиона лет.

И опять же безумно интересно, почему столь тесно пересекаются закономерности макро- и микрокосмоса?..

Все, о чем говорилось выше, дает возможность для написания захватывающего закадрового текста. В варианте с ведущим следует равномерно распределить смысловую нагрузку между авторским и дикторским текстом. Первая, историческая, часть иллюстрируется старинными гравюрами, рисунками приборов, таблицами и картами, слайдами звездного неба. Во второй, современной, части должны будут «работать» хроникальные съемки, короткие интервью, красавцы телескопы — оптические, радио, нейтринные и красивейшие снимки галактик, туманностей, квазаров и пульсаров, звездных скоплений.

Хотелось бы, чтобы настрой передачи был созвучен пронзительной повести Константина Паустовского «Созвездие гончих псов», а ее суть выражали строки из Фауста:

Глаза в глаза тебе сейчас
Не я ль гляжу проникновенно,
И не присутствие ль Вселенной
Незримо явно возле нас?

ВЗБЕСИВШИЕСЯ КЛЕТКИ

Онкологические заболевания. Страшный диагноз, который многими воспринимается как приговор.

Надежда, однако, умирает последней. Падкие до сенсаций журналисты хорошо знают, по каким крупинкам собирают больные люди и их близкие любую информацию, так или иначе связанную с излечением рака. Сколько их было — «лекарей-кудесников», обещавших совершить чудо с помощью экстрасенсорики, различных сиванолов, катрексов и иже с ними. Но «нету чудес и мечтать о них нечего».

Тем не менее, несмотря на весь трагизм ситуации, предлагается спокойно рассказать, что такое рак. Зачем? Об этом чуть позже. А пока суть вопроса.

Обычная, здоровая клетка человеческого организма делится не более пятидесяти раз. Так

запрограммировано в генах. Очевидно, в этом есть какой-то смысл, связанный с развитием, со старением, с естественным уходом из жизни. «Блажен, кто смолоду был молод, блажен, кто вовремя созрел», как и «время своего ухода надо благодарно принимать». Природа пытается все устроить целесообразно.

Но вдруг почему-то (пока не ясно, почему) ограничение на точно лимитированное количество делений клетки снимается. Она приобретает свойство бесконтрольного, прямо-таки взрывного деления. В лабораторных условиях наблюдали до пяти тысяч таких раздвоений — и это не предел. Растет опухоль и буквально душист жизненно важные органы. Наступает смерть.

Следовательно, онкологические заболевания происходят из-за совершенно конкретной поломки в генном аппарате. Понять бы, почему поступает эта самая чертова команда к неограниченному делению, научиться давать контркоманду, возвращать клетку к нормальному ограничению по делениям — и рак будет побежден.

Лечить его будет не так уж сложно — с помощью генной инженерии.

Но пока в арсенале врачей химическая терапия, некоторые другие медикаментозные способы, облучения, операции. Иногда помогает на время, иногда нет. Грустно.

В медицине уже бывали подобные ситуации. К примеру, вирусные болезни. Их ведь тоже пытались лечить, не зная о механизме заболеваний. Порой добивались успеха, но обычно оказывались бессильными.

Когда же поняли, что служит причиной эпидемий, а потом научились изготавливать вакцины и делать прививки, то чаще всего стали добиваться исцеления.

Лет пятнадцать назад, когда был открыт онкоген, показалось, что механизм возникновения онкологических заболеваний прояснился. Онкоген попадает на онкоген, происходит своеобразное замыкание. Казалось, вот оно — снятие команды на неограниченное деление клетки. Готовились праздновать победу. Но... генный аппарат человека сложнее, чем думали. Тайну пресловутой команды до сих пор понять не удалось. Ученые продолжают поиски.

Правомерен вопрос: а зачем все это знать конкретному человеку, конкретному больному. Ведь трагическая ситуация загнала его в двоичную систему: да — нет. Можете меня вылечить, уважаемые врачи, или вы бессильны? Любой другой вариант меня попросту не интересует.

Что же, на это существует жестокий, но правдивый ответ. Путь, продвигаясь по которому будет одержана победа, уже ясен. Способ, как устранить поломку в генном аппарате, пока не найден. Лечиться надо. Темми средствами, что предлагает медицина в настоящее время: облучением — когда больные клетки убиваются, с помощью операций — когда они удаляются. И то, и другое, к сожалению, связано с большими потерями для всего организма. Часто непоправимыми потерями. Понятно, что это в каком-то смысле варварские способы. Но других пока нет.

А вот «кудесники» точно не помогут: пользуясь беспомощностью человека, они обнадеживают его, не имея на то никаких моральных и профессиональных прав. В результате больной теряет драгоценное время, упускает дни, когда его еще можно поддержать, отодвинуть пусть и варварским, повторимся, способом трагедию, убирая из организма «взбесившиеся» клетки. (Для справки: в тех странах, где хорошо поставлена ранняя диагностика онкологических заболеваний, статистика частичных и даже полных излечений довольно высока.)

Правда, к сожалению, жестока. Человек стремится понять механизм поломки в его генах, и когда-нибудь эти поиски должны увенчаться успехом.

Тогда ученые объяснят, зачем в нас заложено это свойство: в каких-то случаях освободить клетку от обязанностей остановиться в делении, от обязанности стареть.

Может быть, это не востребованные еще внутренние резервы человеческого организма. А теперь представьте: все наши клетки получают возможность неограниченного деления, но процесс остается под контролем.

Разве это не путь практически к бессмертию, продлению жизни до сотен и сотен лет.

Но вот это пока только фантастика.

КАК ЛОПАЮТСЯ СЕНСАЦИИ

Конец пятидесятих годов. Профессор Иосиф Самуилович Шкловский выступает с идеей искусственного происхождения спутников Марса — Фобоса и Деймоса. Аудитории на его лекциях переполнены. Большинство присутствующих привлекает романтическая часть умопостроений ученого. Специалистов, прежде всего математиков, — абсолютная корректность в его расчетах.

Получалось (ведь цифры упрямая вещь), что, исходя из сопоставления некоторых размеров, в том числе диаметра Марса, его спутников, а также параметров орбит и орбитальных скоростей, Фобос и Деймос могут быть только полыми внутри. А значит...

Решающим аргументом — и это подчеркивалось математиками — было то, что все вычисления находились в так называемых «пределах ошибок». То есть речь шла уже не просто о гипотезе — вырисовывалась теория. Представляете, как красиво звучало «теория искусственного происхождения спутников Марса».

Жалели об одном: ведь слетать и воочию убедиться, что под тонкой оболочкой Фобоса и Деймоса скрыты следы внеземной жизни, технические возможности космонавтики в те годы не позволяли.

Но когда вслед за покорением Луны в конце шестидесятых годов американцы всерьез заговорили о посещении Марса (проект не состоялся из-за его дороговизны), Фобос и Деймос уже никто не рассматривал в качестве обитателей иной цивилизации. Однако крушение сенсации прошло незаметно, удостоившись лишь мелкого шрифта на страницах немногих научно-популярных журналов.

Дело в том, что все вычисления профессора Шкловского были повторены аспирантом Киевской обсерватории с одним, на первый взгляд, несущественным изменением. К тому времени диаметр Марса был уточнен. Он оказался всего-навсего на несколько десятков километров меньше. Но цифры ложились уже по-другому, и никаких огромных пустот внутри загадочных спутников не показывали. Спутники как спутники, ничем, в общем-то, не выделяющиеся из ряда других небесных тел этого класса.

Остается пожалеть, что лопнула такая красивая теория.

В передаче можно сослаться и на другие — не столь сенсационные, но не менее грандиозные — умопостроения. К примеру...

Астрономы заметили, что уникальные квазары расположены на удивительно четко повторяющихся расстояниях — в миллион световых лет. Предположили, что наша Вселенная намного меньше, чем считалось до сих пор. Что телескопы наблюдают одни и те же небесные объекты, десятки и тысячи раз повторенные из-за кривизны пространства. Более того, на самом крупном в мире оптическом телескопе в Зеленчуке вроде бы получили тому первые доказательства. Зрела сенсация. Представляете: на нашем небе в гигантских гравитационных зеркалах мы видим отражения одних и тех же звезд, наше мироздание не такое уж гигантское, наш общий дом — Вселенная — значительно меньше, компактнее. И, черт возьми, как-то уютнее становится в нем.

Теория рассыпалась из-за ошибок в вычислениях.

А вот совсем другая область — клонирование. Помимо всего прочего, это и возможность создать точную копию, повторить жизнь как бы заново.

Но знаменитая овца Долли начала очень уж быстро стареть. За считанные месяцы приобрела физиологические свойства шестилетней особи. То есть у нее действительно оказались все свойства исходного клона. В том числе и возраст.

Клонирование, конечно, остается захватывающим и перспективным направлением научных исследований. Но вот с фантастической мечтой о продлении жизни индивида пусть и в другом, но зато абсолютно идентичном теле уже сейчас, видимо, приходится понемногу расставаться.

ПОИСК ВНЕЗЕМНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Щемящая надежда, что мы не одиноки во Вселенной, подпитывается не только

эмоциями. Она давно оформилась в красивую научную идею. Впервые ее сформулировал, кажется, Джордано Бруно.

Прошли не годы — века. Идея захлебывается благодаря стараниям самых яростных ее поклонников — уфологов. Свидетельства так называемых очевидцев часто с явно нездоровой психикой, детективные истории о кознях ЦРУ, скрывающего от людей тайну катастроф внеземных летательных аппаратов, притянутые за уши доказательства инопланетных визитов давно вытеснили проблему из научных журналов на страницы желтой прессы.

Это несправедливо. Но не будем валить всю вину на «тарелочников» Причина мельчания поисков столь необходимых нам доказательств, что мы не одиноки во Вселенной, кроется в антропоцентричности нашего разума: мы ищем не иную жизнь, а жизнь, очень похожую на нас. Ищем давно.

XVIII век — вера в силу математики, в частности геометрии. Предлагается в сибирской тайге вырубить огромные квадраты, треугольники, залить просеки нефтью и поджечь. Инопланетяне могут заметить.

XIX век — торжество оптики, совершенствуются микроскопы и телескопы, с их помощью совершаются громкие открытия. Так давайте создадим огромные зеркала и будем посылать солнечные зайчики в космическое пространство — земной привет жителям других планет.

XX век — расцвет радиотехники, абсолютная надежность связи, радиолокация Венеры, радиотелескопы принимают сигналы чуть ли не с края Вселенной. Начинается масштабный поиск радиопосланий из Космоса. Не могут же братья по разуму оказаться столь черствыми, чтобы лень им было состряпать для нас радиопередачу.

Конечно же, нет. И сигналы тут же фиксируют — со звездных систем Тау Кита, затем Эпсилон Эридана. Подлинный бум. Прослушиваются не сотни, не тысячи — десятки тысяч систем. Успех не приходит. Начинается домысливание за инопланетный разум. Какую радиочастоту выбрал бы он? Без сомнения, 21 см — радиочастоту водорода, самого распространенного элемента во Вселенной. Но в ответ гробовое молчание. А тут еще и Тау Кита вместе с Эпсилоном Эридана подкачали. Астрономы формулируют идею пульсаров: сигналы оказались естественного, а не искусственного происхождения.

А почему именно радиосигналы должны слать нам иные цивилизации? Уже сейчас ясно, насколько неэффективен, подвержен искажениям и помехам этот способ передачи информации. Уже сейчас мы знаем о способности нейтринного потока свободно пролетать сквозь «чугунную плиту», толщина которой во много раз превышает расстояние от Земли до Солнца. А ну как лет через сто человек научится кодировать информацию в нейтринных излучениях? Срок вполне реальный. Ведь еще в начале века «изобретатель» нейтринно Вольфганг Паули каялся, что придумал «что-то ужасное... нечто, что никогда нельзя будет проверить экспериментально». В середине века ему как бы оппонировал академик Бруно Максимович Понтекорво: «Бедное нейтринно! Но не всегда будет так: я уверен, что в недалеком будущем оно обретет долгожданную славу и даже войдет в жизнь людей».

Прошло еще три десятка лет. Предсказание сбывается. На нейтринных телескопах начинается исследование Солнца, иных галактик с помощью «пойманных» нейтринно. Не за горами то время, когда мы будем пытаться заставлять их «выйти на связь» с иными мирами. Скорее всего, опять потерпим фиаско.

Но искать надо.

Впрочем, может быть, стоит для начала еще раз перечитать Лема и попытаться ответить на вопрос: что ждет нас среди звезд?

Пока, уверен писатель, нам не нужен космос с его уникальностью вновь открытого Неизведанного. Мы ищем продолжения Земли в Космосе- с земными законами, аналогиями, представлениями. Лем утверждает, что даже его Мыслящий Океан — жалкая и примитивная пародия на великое Неизведанное.

Весьма остроумны и идеи Азимова. Он предлагает четко определить, что понимать под «жизнью в той ее форме, которая нам известна». И делает вывод, что при всем ее разнообразии

все живые организмы состоят из соответствующего набора молекул нуклеиновой кислоты, которые управляют химическими реакциями с помощью белков, действующих в водной среде.

Скучно? Давайте пока воздержимся от оценок. Богатое воображение фантастов дает возможность встретиться с металлическими существами, живущими на ядерной энергии, и с парообразными, живущими на газах. С энергосуществами, чья обитель — звезды. С существами-сгустками мыслей, странствующими в космосе. Вообще с такими, что не поддаются никакому описанию, но прочно освоили гиперпространство.

Однако вернемся к нашей жизни, где фон — вода, а исполнители главных ролей — нуклеиновые кислоты и белки. Простейшая операция: в разных сочетаниях изменяется фон и эти самые исполнители. Получается целая гамма жизней в той ее форме, которая нам не известна. К примеру, нуклеиновые кислоты и белки могут остаться, а фоном стать аммиак. При других исполнителях действие развернется в метане, водороде, сере... Причем все это вполне вероятно, ибо основано на обычных атомах, встречающихся во Вселенной.

Что ж, когда мы по-настоящему выберемся в космос, то, наверное, обнаружим значительно больше форм жизни, чем ожидаем. Возможна встреча не только с нашими внеземными братьями, живущими в мире, где господствует «жизнь в той ее форме, которая нам известна». Встретятся и двоюродные братья, ведущие «жизнь в той форме, которая нам неизвестна».

И кто знает, может предпочтение следует отдать именно двоюродным братьям?

III

Телевидение — это очень дорогое удовольствие. Совсем не то, что газетная, к примеру, журналистика: готов написать хорошую статью — запись на кухне и пиши (конечно, я немного утрирую). Здесь же не только творчество, но и очень недешевая техника, производство, съемки, монтаж, электронное оформление... Все это требует больших затрат.

В Советском Союзе телевидение было одной из немногих отраслей, которая поставляла на рынок высококачественный товар (телепередачи) отечественного производства. Даже признавая отставание информационных жанров, ангажированность политического комментария, вторичность шоу-программ, но оценивая советское телевидение в целом, следует сказать, что оно было далеко не худшим в мире. А по целому ряду показателей (духовность, интеллектуальность, пронизанность творчеством) занимало самые высокие места в мировой табели о рангах.

В условиях обделенности рядовых членов общества очень многим телевидение, перефразируя слова поэта, всегда было чем-то значительно большим, чем просто телевидением. Все-таки ему верили, оно служило законодателем мод, разумеется, не только в одежде и манерах. Популярные ведущие и дикторы становились чуть ли не членами семей, и голубой экран хоть на какое-то время давал зрителю возможность существования как бы в другом — параллельном мире.

С тех пор многое разрушено. Но почему именно научно-популярные, просветительские передачи чуть ли не первыми попали под каток так называемых реформ? Не потому ли, что в новых условиях, когда бал правит рекламодатель, они не могут собирать рейтинги, сравнимые, к примеру, с развлекательными программами? Но ведь никому не придет в голову сводить в одном турнире боксеров и пианистов.

И все-таки проблема «смотрибельности» выходит на первые позиции. Она напрямую связана с финансированием. У нас сложилось так, что экономика производства абсолютно разных передач — новостей, шоу, мыльных опер, просветительских программ — одна и та же. Хотя чтобы снять программу о живой природе, например, надо сутками, а то и месяцами охотиться с телекамерой за каким-то редким животным в джунглях или пустыне.

Ведь как лучшие мировые компании создают передачи, аналогичные «Клубу путешественников» или «В мире животных»? Они собирают большие средства и делают дорогие работы. Дорогие работы, но для многократного использования. К примеру, зачем давать четыре премьеры про львов и четыре раза раскошелиться, если можно один раз сделать пусть дорогую,

но прекрасную передачу о львах и показать ее четыре раза, а то и больше.

Волею судеб мне пришлось стать продюсером передачи «В мире животных» в пору ее упадка, когда речь шла о самом существовании цикла, имеющего тридцатилетнюю историю. Надо было что-то предпринимать.

Общеизвестно, что попытки видоизменить, осовременить устоявшийся имидж долго живущей программы обычно обречены на провал: либо она крушит таких реформаторов, либо рушится сама.

Конечно, в других условиях, имея такого замечательного ведущего, как Николай Николаевич Дроздов, следовало бы пойти по «экспедиционному методу». Удивительный человек, автор самой доброй на отечественном телеэкране передачи, он умеет подружить нас, зрителей, не только с обласканными всеми щенками и котятами, но и пугающими некоторых людей пауками, грызунами, даже со змеями. Где все это проявилось бы лучше, чем в экспедиции?

Но денег было мало. Мы пошли по «студийному» пути. Сделали Дроздова рассказчиком и «показчиком» с первого до последнего кадра. Буквально в каждой передаче он поднимает какую-либо важную научную проблему. В этом ему помогают гости — как правило, крупные ученые. Все это действительно научно, но не наукообразно, занимательно, но без псевдосенсационности. Настоящие герои передачи — животные в студии. Они являются полноправными участниками действия. Ведущий их искренне любит. И они любят ведущего.

Но все-таки главная составляющая успеха — голос, поведение, жизненный опыт самого ведущего, только ему присущие интонации, только его манера рассказа.

Передачи о животных есть сейчас практически на всех телеканалах. Но «В мире животных» первого канала все-таки лидер. Лидер, на равных конкурирующий с той же «Живой природой» (на канале идет их параллельный показ) — знаменитым сериалом Би-би-си, который снимается явно в условиях дорогих экспедиций и на супертехнике.

Так что же произошло? Резкий слом устоявшихся моделей производства, принципиально новые тематические решения, неожиданная «ролевая функция» Н. Дроздова — все эти верно подобранные «ключики» помогли «Миру животных» избавиться от архаизма и консерватизма, превратили один из старейших циклов в современное, энергичное и очень стильное зрелище.

...Однажды к нам в редакцию пришли представители печально известной О. С. П. — студии, которая даже при нынешней эпидемии дурновкусия явно занимает «передовые» позиции в кривлянии и пошлых ужимках. Они сообщили, что хотят осчастливить просветительство своим участием, хотят выпускать научно-популярную программу в своем стиле. И были шокированы тем, что мы не пришли в восторг от этого предложения. Более того, как в старом анекдоте, почти что хором воскликнули: «Только не это!»

Оэспэшники ушли обиженными, хотя потом, кажется, поняли, что не по Сеньке шапка, и вроде бы отказались от своих намерений. И слава богу!

А если бы довели дело до конца? При уровне вкусов некоторых руководителей некоторых каналов их гипотетическое творение могло бы пойти в эфир. И, по мнению некоторых современных телевизионных суперреформаторов, могло бы считаться новаторством.

Случай, конечно, крайний, не типичный.

Типичным, думается, является другое. В этой работе со ссылками на «Тайны забытых побед», на поиск сенсаций в несенсационных материалах, но осмысленных по-новому, я попыталась показать, сколько новаторства таится в традиционных жанрах научно-популярной телевизионной журналистики.

Сегодня, с упадком сети кинопроката, с убогим состоянием кинотеатров появилась огромная армия кинотелезрителей, которые перепрыгивают с канала на канал, как только заканчивается очередной боевик. Для меня же телевидение — это прежде всего все-таки передача, все-таки телефильм.

И, тем не менее, что такое телевидение? Монстр, с которым весь мир не может управиться? Огромное достижение цивилизации? Джинн, выпущенный из бутылки?

Был, например, в России чудесный праздник Новый год — елки, веселье, розыгрыши,

хороводы, гаданье... Телевидение его, прямо скажем, уничтожило. Теперь все отмечают праздник (и не только новогодний) одинаково: сидят, уставившись в экран, переключают программы...

Многие вещи нам еще предстоит осмыслить. Но если научно-популярное просветительство обретет на голубых экранах свое второе рождение, ответы начнут прорисовываться. И, как мне кажется, больше шансов, что они будут окрашены оптимизмом.